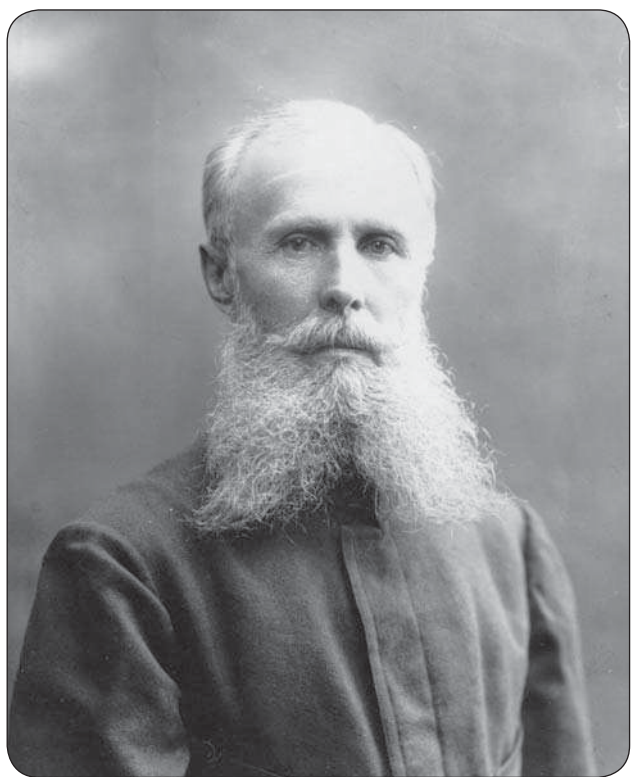

ПОЛВЕКА В ТУРКЕСТАНЕ

**В.П. Наливкин: биография,
документы, труды**

Издательский дом Марджани

Москва
2015

УДК [929:94](470:575)Наливкин В.П.

ББК 63.3(2)53-8Наливкин В. П.

П49

Редакторы-составители: С.Н. Абашин, Д.Ю. Арапов, В.О. Бобровников,
Т.В. Котюкова, Е.И. Ларина, Н.С. Терлецкий

Научный редактор: В.О. Бобровников

Ответственный за выпуск: Т.В. Котюкова

П49 Полвека в Туркестане. В.П. Наливкин: биография, документы, труды = Half a Century in Turkestan. Vladimir Petrovich Nalivkin: Biography, Documents and Works: [сборник] / [ред.-сост.: Д.Ю. Арапов и др.]. – М.: Изд. дом Марджани, 2015. – 688 с.: ил. – Парал. тит. л. англ. – ISBN 978-5-903715-91-6.

И. Арапов Д.Ю., сост.

ISBN 978-5-903715-91-6

Настоящая книга знакомит читателя с историей и этнографией Средней Азии. В ней можно найти уникальные сведения о повседневной жизни этого региона, обычаях и нравах его населения, о тех социальных трансформациях, которые переживало среднеазиатское общество в конце XIX и начале XX в. В книге также рассказывается о том, каким образом Россия взаимодействовала со Средней Азией, какое она оказала влияние на ее развитие, кем были те люди, которые приехали в отдаленный регион сначала завоевывать его, а потом изучать и просвещать. Главный герой – Владимир Петрович Наливкин, человек, который прожил почти полвека в Туркестане, начиная с начала 1870-х и заканчивая 1917 г., дослужился от младшего офицера до должности главного начальника Туркестана, оставил после себя множество научных и публицистических трудов. Книга предназначена для историков, этнографов, исламоведов, а также для всех тех, кто интересуется Средней Азией и Российской империей.

© Издательский дом Марджани, 2015

© Коллектив авторов, 2015

ISBN 978-5-903715-91-6

© Чеботарев С.Н., дизайн обложки, 2015

Содержание

7	Вводное слово
11	Д.Ю. Арапов. Владимир Петрович Наливкин (Биографическая справка)
17	С.Н. Абашин. В.П. Наливкин: «...Будет то, что неизбежно должно быть; и то, что неизбежно должно быть, уже не может не быть...
64	Т.В. Котюкова. Повесть о том, как поссорился Владимир Петрович с Федором Михайловичем и с Георгием Алексеевичем...
132	Т.В. Котюкова. «Утехи захолустного бытия». Письма В.П. Наливкина академику В.Р. Розену
138	Т.В. Котюкова. «Выступления темных сил под руководством безответственных лиц». Революционные события в Туркестане и В.П. Наливкин
146	Т.В. Котюкова. Антипод «человека в футляре» (Воспоминания о Владимире Петровиче Наливкине)
164	В.П. Наливкин, М.В. Наливкина. Очерк быта женщины оседлого туземного населения Ферганы
380	В.П. Наливкин. Туземцы раньше и теперь
481	В.П. Наливкин. Положение вакуфного дела в Туркестанском крае до и после его завоевания
525	В.П. Наливкин. Мои воспоминания о Скобелеве
554	В.П. Наливкин. Записка о возможных соотношениях между последними событиями в Китае и усилением панисламистского движения
565	В.П. Наливкин. Публицистика: Открытое письмо; Младо-сарты и женщина; Надо опроститься
574	Послужной список состоящего в распоряжении Туркестанского генерал-губернатора действительного статского советника Владимира Петровича Наливкина
579	Список печатных работ Владимира Петровича Наливкина
586	Список сокращений
587	Глоссарий
631	Указатель имен

В.П. Наливкин

Мои воспоминания о Скобелеве

«Русский Туркестан». 1906. № 118

В № 110 газеты «Русский Туркестан» я прочел статью К.М. Обручева «Военный подбор». Безусловно присоединяясь к мнению автора о крайней уродливости тех условий, которыми до настоящего времени обставлен «военный подбор», тех условий, среди которых воспитывается и окончательно формируется офицер русской армии, той камеры-обскуры, в которой производится столь часто лицепрятная и даже продажная сценка общеслужебных и боевых качеств этого офицера, а равно и горнила, в котором выковывается рельс его служебной карьеры, я, со своей стороны, готов прибавить к сказанному почтенным автором, что все эти недостатки, несомненно, являются также следствием безусловно пагубной изолированности армии, крайней замкнутости ее внутренней жизни и разобщенности от жизни остальной части нации.

Все это ставит армию в положение, подобное тому, в котором еще так недавно находились такие «закрытые», изолированные от общественного глаза и общественного контроля заведения, как институт, как кадетский корпус, как семинарская бурса, в которых творились зачастую самые возмутительные, самые nepотpeбные дела.

Печать до последнего времени знакомила общество лишь с прошлым этих и подобных им учреждений, пользуясь немногочисленными и совершенно случайными записками, воспоминаниями, мемуарами.

Когда по поводу таких воспоминаний начинали раздаваться более или менее крикливые голоса, «блюстителю» в громадном большинстве случаев не останавливались перед наглою ложью, спешили уверить общество, что все это касается прошлого, что в настоящее время ничего подобного более уже нет, что ныне «все обстоит благополучно».

Обществу оставалось или верить этим уверениям или сомневаться.

Но ни вера, ни сомнения сами по себе не могли помочь и не помогли делу.

Вся эта гигантская, колоссальная ложь имела своими последствиями Ляоян, Мукден, Цусиму¹ и иные позоры, если не России, то во всяком случае русского правительства, усердно создававшего все новые и новые серии всевозможных камер-обскур, в недрах которых творились и творятся всевозможные пакости.

Напрасно господа, мнящие себя присяжными специалистами военного дела, старались бы убедить нас в ошибочности нашего вышеизложенного взгляда, третируя нас по древнему обыкновению как неспециалистов и дилетантов, не могущих «свое мнение иметь».

Ни один сколько-нибудь рассудительный неспециалист и сам не станет копошиться в неизвестных ему деталях незнакомого или малознакомого ему специального дела.

Но в то же время *каждый* сознательный гражданин XX века обязан сознательно относиться к основным функциям и основным потребностям каждого, хотя бы и специальнейшего, государственного учреждения, ибо он, гражданин, через своих представителей в парламенте регулирует и обязан регулировать все вообще функции народно-государственной жизни.

Вместе с тем я думаю, что, во-первых, статьи, подобные цитируемой мною, ныне приобретают особый интерес и особую важность в качестве материала, который, несомненно, будет широко использован при тех коренных реформах организации и внутреннего быта нашей армии, к которым мы неизбежно должны будем прийти в относительно недалеком будущем; а во-вторых, что такого рода статьи получают сугубое значение в том случае, если

¹ Имеются в виду сражения во время крайне непопулярной в обществе Русско-японской войны (1904–1905 гг.). В результате разгрома под Ляояном (21 августа 1904 г.) и Мукденом (5 февраля 1905 г.) Россия потеряла сухопутную армию, в сражении в Цусимском проливе (14 мая 1905 г.) Россия потеряла флот. Эти поражения стали символом авантюризма власти и бездарности военного командования. – *Примеч. сост.*

будут иллюстрироваться и подтверждаться фактами новейшего периода нашей военной истории.

Ввиду этих двух последних соображений у меня явилась мысль предложить вниманию читателя откровенное изложение части тех воспоминаний, которые у меня сохранились о Скобелеве, которые касаются главным образом Кокандского похода и лишь частью Хивинского и которые, как мне кажется, в значительной мере подтверждают многие из мыслей, высказанных многоуважаемым К.М. Обручевым в его статье о военном подборе.

Переходя к воспоминаниям о Скобелеве и желая дать читателю возможно более правдивую и возможно более полную картину фактов и впечатлений, я поставлен в необходимость прежде всего сказать несколько правдивых слов о том, каким был я сам в то время, когда вновь испеченным офицером попал в строй, а затем и в «дело», где должно было завершиться мое военное воспитание, начавшееся с пеленок.

Я родился и рос в военно-помещичьей среде.

Мой дед по матери в 1814 году был в Париже. Другой мой предок, тоже по матери, основал орловский кадетский корпус. Отец всю жизнь прослужил на военной службе. Все дяди были военные. Один из них убит в Севастополе. Отец вернулся с Кавказа, из турецкой кампании 1853–1855 гг., с простреленными папахой и буркой, долго хранившимися на дне красного окованного жестью сундука в качестве фамильной святыни. Много лет спустя с его кавказской шашкой я пошел в Хивинский поход¹.

С 6–7-летнего возраста я уже жадно слушал рассказы отца о Карсе, о Кюрюк-Дора, о Баш-Кадыкляре².

Когда мне было лет 7–8, мать, к моему крайнему огорчению и конфузу, стала учить меня «шить», говоря, что это необходимо

¹ 1873 год. – *Примеч. сост.*

² В разгромной для России Крымской войне 1853–1856 гг. военные действия на Кавказском театре велись успешнее всего. Турецкая армия была разгромлена в ноябре 1853 г. при Башкадыкляре. Военные действия были перенесены на территорию Турции. В июле 1854 г. был взят Баязет, затем разгром 60-тысячной турецкой армии при Кюрюк-даре в Анатолии, а в ноябре 1855 г. пала крепость Карс. Взятие Карса современники рассматривали как успех не меньший, чем захват Севастополя. Англия составляла планы расширения войны в Закавказье, Франция же считала, что главная цель достигнута – русский флот на Черном море разгромлен, – и не желала воевать на Кавказе. К тому же в обществе Франции и Англии стали сильны антивоенные настроения. Смерть 18 февраля 1855 г. императора Николая I ускорила подготовку мирных переговоров, к которым сразу же приступил новый император – Александр II. – *Примеч. сост.*

«исправному» офицеру, ибо в походе то-другое может изорваться, а вместе с тем не всякий денщик умеет владеть иглой.

Впоследствии, когда, в 1875 году, я был в отпуску в Саратове и, женившись там, уезжал обратно в Туркестан, где в то время начался Кокандский поход, мать, прощаясь со мной и отведя меня в сторону, сказала: «Я знаю, как ты любишь твою молодую жену, а потому боюсь за тебя. Ты скоро опять можешь попасть в дело. Не покрой себя позором, которого я не перенесу. Если будешь в деле, на время забудь о жене и помни только о долге».

Я дал старухе слово, что никогда не забуду ее материнского завета и никогда не буду трусом.

Такова была среда, в которой я рос. Эта среда естественным образом с раннего детства развивала во мне крайний милитаризм и неудержимое желание скорей, скорей «понюхать пороху».

В военном училище я был фельдфебелем¹, а потому должен был выйти в гвардию. Под предлогом отсутствия денежных средств, необходимых для «приличного» служения в гвардии, а в действительности ради того, чтобы поскорей понюхать пороху, я отказался от предложенной мне вакансии в Измайловском полку и вышел в 1-ю батарею оренбургского казачьего войска, квартировавшую тогда в Ташкенте.

В июле 1872 года я был произведен в офицеры. В октябре я прибыл в батарею, а 13 марта следующего, 1873 года я пошел с батареей в Хивинский поход.

В Хивинском походе я был частью свидетелем, а частью участником нескольких таких эпизодов, которые, поддерживая мой воспринятый с пеленок милитаризм, привели меня к убеждению, что среди молодого офицерства есть много хороших людей и что нижние чины в руках хорошего офицера не оставляют желать ничего лучшего; но в общем Хивинский поход для меня лично был если не ушатом, то во всяком случае стаканом очень холодной воды: действительность, с точки зрения юнца-офицера, мечтавшего о грандиозных сражениях, о подвигах, о целых тучах порохового дыма, о массовых атаках кавалерии, была неизмеримо мизернее картин, создававшихся пылкой фантазией, распаленной чтением наиболее ярких страниц военной истории. Я возвращался в Ташкент в значительной мере разочарованным, но все же милитером, не покидавшим надежд все-таки видеть когда-либо воочию то, что так страстно хотелось видеть и пережить.

¹ Фельдфебель (нем. Feldwebel – армейский чин) – в русской армии и некоторых иностранных армиях – чин старшего унтер-офицера в роте. – *Примеч. сост.*

В том же Хивинском походе я познакомился со Скобелевым, который тогда был уже подполковником генерального штаба. Он пришел в Хиву не с нашим, туркестанским, а с кавказским отрядом¹.

Нашей батареей командовал покойный М.М. Перелыгин, добряк, хлебосол, старательно поддерживавший староартиллерийские порядки, бывший поэтому не командиром, а «старшим товарищем» офицеров батареи, которых *всегда* по староартиллерийскому обычаю звал не по чину, а по имени и отчеству, причем *требовал*, чтобы звали его и офицеры, что отнюдь не мешало образцовой дисциплине, ни разу ничем не нарушенной в батарее за мое время.

К нашей же батарее долгое время был прикомандирован штабс-капитан гвардейской конной артиллерии Н.А. Ермолов, сын известного кавказского Ермолова.

Ермолов по своей службе в гвардии был в самых близких, приятельских отношениях, на *ты*, со Скобелевым, с Евгением Макс. Лейхтенбергским, бывшим в нашем отряде, с А. Криднером, раньше служившим в гвардейской кавалерии, а потом переведенным в семиреченское казачье войско, и с иными подобными.

Вся эта публика через Ермолова познакомилась с нашим батареиным командиром, и часто пользовались широким походным гостеприимством М.М. Перелыгина.

Поэтому со всеми ними были не только знакомы, но даже и в более или менее приятельских отношениях и все мы, младшие офицеры батареи.

То было особое время, героическая эпоха русского Туркестана, когда наш походный бивак, или лагерь, по своему внутреннему быту во многих отношениях походил на запорожский «Кош» давно минувших времен.

В июле, во время того же Хивинского похода, мы были в Туркмении. Когда стояли Ильялы, в отряде говорили о том, что Скобелев, по словам одних, получил, а по уверениям других – выпросил себе очень опасное поручение: произвести рекогносцировку в прилегающей степи в *одиночку*.

Поговорили и забыли.

¹ В декабре 1872 г. на Особом совещании руководителей центральных ведомств с участием начальников Туркестанского и Оренбургского краев, наместника Кавказа и императора было решено выступить силами трех военных округов с трех направлений: Кавказский – с запада (Мангышлакский и Красноводский отряды), Оренбургский – с севера, Туркестанский – с востока. – *Примеч. сост.*

Месяца через полтора, перед уходом из Хивы в Ташкент, в отряде опять пошли разговоры о Скобелевской командировке. Все громче и громче начали говорить, что эта командировка, за которую Скобелев по статуту, как офицер Генерального штаба, должен был получить (и впоследствии, действительно, получил) Георгия 4-й ст.¹, представляется очень подозрительной, ибо, во-первых, Скобелев, пробыв в отлучке очень недолго, представил что-то уж слишком подробный отчет о своей рекогносцировке; а во-вторых, о каких-то некрасивых подробностях этой авантюры будто бы проболтался слуга Скобелева, настоящий русский мужик, подстриженный в скобу, которого Мих. Дмитр. привез из своего имения и которого я несколько раз видел, когда три отряда, наш, кавказский и оренбургский, стояли еще в Хиве.

Тогда эти разговоры о Скобелеве, с которым я не рассчитывал когда-либо встретиться, меня, правду сказать, мало интересовали, потому что Скобелев был не «наш», а многие из «наших» казались мне более интересными.

Через несколько времени по возвращении в Ташкент (в октябре 1873 г.) я поселился на одной квартире с Ермоловым и Э.К. Квитницким. Это был тоже старый знакомый Скобелева, офицер гвардейской конной артиллерии, разжалованный в солдаты, присланный в Хивинский поход рядовым 8-го турк. линейного б-на, а затем прикомандированный к нашей батарее, в мой, третий взвод.

¹ Орден Св. Георгия стоял особняком среди российских орденов. По значимости он был четвертым в ряду наград, но в офицерской среде ценился выше других. Его девиз «За службу и храбрость» говорил о нем, как о чисто военном знаке отличия. Знаками ордена Св. Георгия награждались только офицеры и только за боевые подвиги. Еще одна особенность состояла в том, что награжденный мог носить знаки ордена всех четырех степеней одновременно, что не допускалось статутами других орденов. Вкратце история М.Д. Скобелева такова. М.Д. Скобелев получил назначение в Мангышлакский отряд полковника Н.П. Ломакина (Кавказская армия). 26 мая 1873 г. Кавказский отряд Н.П. Ломакина и Оренбургский генерал-лейтенанта Веревкина попытались взять Хиву с ходу, ввиду соперничества спеша опередить Туркестанский отряд командующего экспедицией генерал-адъютанта К.П. Кауфмана. Приступ был отбит. Однако хан Хивы согласился на капитуляцию, ввиду чего Кауфман приказал прекратить боевые действия. Тем не менее подполковник Скобелев продолжил бомбардировку и захватил ханский дворец. Это было нарушением приказа командующего. Веревкин, Ломакин, Скобелев не получили желаемых высоких наград. А.Д. Милютин (сын военного министра, офицер для особых поручений при командире Красноводского отряда В.И. Маркозове) предложил Скобелеву провести рекогносцировку из Хивы по направлению к Красноводску. За эту рекогносцировку К.П. Кауфман не только представил Скобелева к награждению Георгием 4-й степени, но и ходатайствовал перед Георгиевской думой, которая затягивала решение. См.: *Глуценко Е.А. Герои Империи. Портреты российских колониальных деятелей. М.: XXI век – Согласие, 2001. С. 221–224. – Примеч. сост.*

Во время одной из приятельских бесед, вспоминая о только что сделанном походе, случайно вспомнили и о Скобелеве, к которому Ермолов почему-то всегда относился несколько иронически.

На мой вопрос: «Скажи по правде, Николай Алексеевич, что ты думаешь об этой, как говорят, подозрительной рекогносцировке Скобелева?» Ермолов, ехидно усмехаясь, ответил мне так: «Ничего, душа моя, достоверно не знаю; одно только скажу тебе – не ходи в академию Генерального штаба, развратят они тебя там, и ты *тоже сделаешься шарлатаном*».

По некоторым причинам я ни в какую академию не собирался, но, тем не менее, читал очень много.

Пока стояли весна и лето, жить было сносно. Время незаметно шло между конными учениями, стрельбами, книгами и умеренным флиртом.

Но настала осень, а вместе с ней скучнейшие занятия с нижними чинами в казарме и в парке; началась непогода, грязь.

Я стал скучать, а затем и прямо-таки захандрил.

В это самое время случайно узнаю, что петро-александровский отряд¹ зимой пойдет в экспедицию, в Туркмению.

Однажды утром, вместо того чтобы отправиться на службу, я надел мундир и отправился к А.Е. Жаринову, нашему бывшему начальнику артиллерии.

Дня через 3–4² я уже ехал на почтовых, направляясь в Перовск, Казлинск и степью в Петро-Александровск.

Зимой мы действительно ходили в Туркмению, но это была скорее военная прогулка, чем военная экспедиция.

В июле 1875 года я поехал в отпуск в Россию.

В Саратове уже я узнал, что ташкентские войска выступили в Кокандский поход.

Не дождавшись конца отпуска, в сентябре я двинулся обратно и в октябре был в Ташкенте.

Главный отряд под начальством К.П. Кауфмана уже вернулся восвояси.

¹ Город Петро-Александровск – современный г. Турткуль. Имеется в виду поход зимой 1873–1874 гг. по указанию К.П. Кауфмана отряда из оренбургских и уральских казаков под командованием начальника Амударьинского отдела Н.А. Иванова на левый берег Амударьи к иомудам и човдурам для сбора контрибуции, «демонстрации силы» и наведения порядка. См.: Ниязматов М. Поиск консенсуса. Российско-хивинские геополитические отношения в XVI – начале XX в. СПб., 2011. С. 205–206. – *Примеч. сост.*

² В ноябре 1874 года.

Нами был занят только правый берег Нарына и Дарьи (теперешний Наманганский уезд).

Начальником вновь образованного наманганского отдела и начальником наманганского отряда был назначен М.Д. Скобелев.

Левый берег Нарына и Дарьи принадлежал хану. Военные действия не прекращались.

Я был назначен не в свою, казачью, батарею, которой командовал Абрампольский, а в казачий ракетный дивизион, командиром которого состоял артиллерии штабс-капитан Н.Н. Куропаткин, с которым мы были уже относительно старыми приятелями по Ташкенту и по Хивинскому походу.

В ноябре, наскоро устроив молодую жену у знакомых, я с так называемой «оказией» отправился в отряд, в Наманган.

В. Наливкин

(Продолжение следует)

«Русский Туркестан». 1906, № 119

Я приехал в Наманган вслед за подавлением восстания, когда часть города, впоследствии обращенная в русский квартал, была разгромлена канонадой наших орудий. Еще пахло гарью. Местами еще тлели и курились обгоревшие балки разрушенных построек. То там, то тут из-под развалин вынимали случайно обнаружившиеся трупы убитых туземцев.

Меня сразу охватило уже знакомое мне, особенное, тревожно-радостное, возбужденное состояние; я вновь почувствовал себя в обстановке запорожского коша¹.

Скобелев принял меня очень любезно, как старого знакомого, обнадежил по части возможности вскоре же попасть в дело, но, поболтав со мной несколько минут, извинился, сказав, что у него невероятно много дела, в особенности же с массой лазутчиков, которые доставляют ему все новые и новые сведения.

Невзирая на мою юность (мне шел тогда 24-й год) и на крайне малое еще знание людей, мне все-таки бросилась в глаза какая-

¹ От тюрк. кош (koş) – жилище кочевника, кибитка, летний временный стан, стоябище кочевников. Запорожский кош – военное братство запорожских казаков, Сечь, временный казачий лагерь, расположенный ниже порогов Днепра. Атмосферу коша Н.В. Гоголь передал как «бешеное разгулье веселости» (Тарас Бульба). – *Примеч. сост.*

то особенная деланость и даже театральность Скобелева, которой раньше, в Хивинском походе, я, как будто не замечал.

Вместе с тем теперь Скобелев стал уже «нашим»; предстояло служить с ним, а поэтому волей-неволей и приходилось им интересоваться.

Я поселился в одной сакле с Н.Н. Куропаткиным. С нами жили: покойный ныне А.Д. Маслов, тогда артиллерийский подпоручик, командовавший «подвижным» взводом, и только что произведенный в офицеры артиллерии прапорщик И.Г. Тутолкин (ныне отставной полковник), состоявший ординарцем при Скобелеве.

С покойным Нилом Николаевичем Куропаткиным я познакомился и сразу же близко сошелся еще перед Хивинским походом. Это был в высшей степени симпатичный и далеко недюжинный человек.

Красивый и мощный физически, с умным, открытым лицом, с вечно приветливой улыбкой, всегда веселый, добродушный и остроумный, не пьяница, но и не дурак выпить в подходящей компании, безаветно отважный, покойный Нил был общим любимцем всей той части офицерства, с которой ему приходилось сталкиваться. Начальство держало себя с ним очень осторожно и осмотрительно, ибо два-три факта из служебной жизни покойного Нила доказали, что это офицер, который никогда не только не станет гнуть спину, но никогда никому не позволит наступить себе на ногу.

С большей частью офицеров отряда я был знаком по Ташкенту. К нашей казачьей батарее по-прежнему был прикомандирован Н.А. Ермолов, старый приятель Скобелева. Заинтересовавшись Скобелевым и бродя по подобию запорожского коша ради свидания с приятелями и боевыми товарищами, я вместе с тем стал собирать сведения о Михаиле Дмитриевиче.

Дня через 3–4 по этой части выяснилось нижеследующее.

Нижние чины называли его не иначе как «ерой».

Такой же приблизительно взгляд на него установился и у большей части фендриков¹. Поручики и сотники находились в состоянии несомненного колебания. Одни из них, готовые, в общем, признать за Скобелевым право на звание «ероя», видимо, несколько смущались чрезмерной театральностью его поведе-

¹ Фендриками в старое время называли прапорщиков. (Фендрик – воинский чин 14-го класса в пехоте в 1722–1731 гг., прапорщик; шутиливое или пренебрежительное название молодого офицера. – *Примеч. сост.*)

ния в деле; другие, в особенности же казачьи сотники, имевшие случай ходить со Скобелевым в атаку, говорили мне приблизительно так: «герой-то он герой, только сомнительный; в дело без мундштука не выезжает; чтобы, значит, конь не занес дальше, чем следует; перед фронт выедет, саблей помахает, покричит, а как пойдем в атаку, он сейчас коня на мундштук – остался сзади. Это не Пистолькорс, который под Ирджаром до конца сам вел казаков в атаку *с нагайкой в руке*. А впрочем, что же тут рассказы-то рассказывать. Пойдешь, Володька¹, в дело, сам своими глазами увидишь».

У стрелков, где мне пришлось поговорить на эту тему и со старшими офицерами, разговоры имели уже более определенный характер. Многие категорически заявили, что только нижние чины да фендрики могут видеть в Скобелеве «ероя»; что каждый толковый офицер, выдавший на своем веку хоть что-нибудь порядочное, не может не понимать, что это «шарлатан, шулер военного дела».

Один из капитанов 1-го стрелкового батальона, которого все его товарищи любили и глубоко уважали за правдивость и честность и имени которого я не называю по совершенно исключительным причинам, сказал так: «Мы брали Балыкчи штурмом ночью; под огнем Михаил Дмитриевич так оробел, что мне пришлось взять его за полу и сказать: «Михаил Дмитриевич, перестаньте, стыдно, на вас смотрят нижние чины».

Другие говорили так: «Если не верите нам, стрелкам, спросите у ваших, казачьих, офицеров; спросите их, правда ли, что под Махрамом Скобелев самым постыдным, самым позорным образом ликовал, что убит уральский полковник А. Хорошхин², который издевался над Скобелевым, за глаза называл его шарлатаном, а в глаза вполне ясно давал ему понять, что он, Хорошхин, об нем не иного, а именно этого мнения».

От Ермолова и еще от 2–3 лиц, раньше меня попавших в Туркестанский край, давно знавших Скобелева и бывших *au courant*³ многих дел нашего «ероя», я узнал нижеследующие подробности, бывшие для меня тогда совершенной новостью.

¹ В старое время у туркестанцев вообще, а у казаков в особенности было в обычае называть друг друга, так сказать, сугубо уменьшительными именами: Володька, Петька, Алешка и т.д.

² А.П. Хорошхин имел звание подполковника, а не полковника как указывает В.П. Наливкин. См. Указатель имен. – *Примеч. сост.*

³ *Au courant* (фр.) – в курсе. – *Примеч. сост.*

Прежде всего я узнал, что раньше, в 60 годах, Скобелев, тогда поручик или штабс-ротмистр гвардейской кавалерии, был послан в Туркестан делать карьеру. Однако же вместо карьеры он наделал столько громких скандалов, что был выслан К.П. Кауфманом из края с предложением никогда более и ни под каким видом в оный не возвращаться.

По окончании им курса в академии Генерального штаба Скобелев в качестве остепенившегося офицера делал попытки вновь проникнуть в Туркестан; но эти попытки оставались безуспешными, так как Кауфман оставался неумолимым и определенного им остракизма не отменял.

В 1875 году Скобелеву удалось попасть в Хивинский поход со стороны Кавказа. В Хиве он снова делал попытки войти в доверие Константина Петровича, но, милосердный и податливый вообще, старик и на этот раз остался непреклонным. Несколько времени спустя, видимо решив во чтобы то ни стало сделать крупную военную карьеру, Скобелев женился.

Через несколько месяцев после описываемого мною времени в Коканде производились некоторые манипуляции, необходимые при тогдашних порядках для совершения развода, причем я узнал много подробностей этого, расторгавшегося тогда брака, о которых я не стану говорить, ибо, во-первых, мне противно о них говорить; а во-вторых, грешно было бы трепать имя несчастной женщины, которая сама была жертвой возмутительнейшей безнравственности, царившей в те времена в наивысших слоях русского общества.

Поэтому скажу только, что Скобелев, женившись ради карьеры и получив вскоре после свадьбы звание флигель-адъютанта¹, не замедлил развестись с женой, когда после занятия всей Ферганы в феврале 1876 года он был назначен военным губернатором вновь образованной Ферганской области.

В промежутки времени между женитьбой Скобелева и началом Кокандского похода Кауфман был в Петербурге. Новые покровители, добытые ценой вышеупомянутого брака, просили Кауфмана переменить гнев на милость, но К.П. не согласился, сказав, что его мнение о М.Д. несколько не изменилось.

Из Петербурга Кауфман поехал за границу, за Рейн.

Скобелев, узнав об этом, узнав, куда именно едет К.П., тотчас же взял отпуск и очутился в одном поезде с нашим бывшим генерал-губернатором.

¹ Флигель-адъютант (нем. Flügel-adjutant) – звание офицера, состоявшего адъютантом при особе государя. – *Примеч. сост.*

Они *случайно* встретились на перроне вокзала не то в Варшаве, не то Вержболове. Скобелев сделал изумленный вид и сказал, что по совету врачей он едет за границу, туда же, куда едет и Его Высокопревосходительство. Сначала Кауфман хмурился и сторонился, а потом, под влиянием умелых речей Скобелева, очень красиво говорившего и по-русски, и по-французски, размяк и в конце концов дал свое согласие на возвращение Скобелева в Туркестан.

Н.А. Ермолов уверял меня, что в Намангане, рассказывая вышеизложенное ему, Ермолову, Ш-гу, братьям М.-З-ским и иным своим ближайшим приятелям, Скобелев от души хохотал над тем, как ловко ему удалось одурачить недалёковидного «старикашку».

По возвращении из заграницы, Скобелев был командирован в Туркестан, в распоряжение командующего войсками. Оставив жену в Петербурге, он отправился в Ташкент и в августе 1875 года пошел в Кокандский поход. В ноябре он был уже произведен генерал-майоры, имея всего 32 года от роду.

Возвращаясь к описанию наманганских событий.

Однажды в сумерки, в последних числах ноября, наш, ракетный, дивизион получил приказание немедленно седлать и выступить в составе небольшого отряда куда-то за Дарью.

Кроме нашего дивизиона, насколько помню, пошли две сотни казачьих сотен, одна или две роты пехоты и взвод казачьей батареи. Пехота, помнится, была на арбах.

Мы выступили уже совсем вечером. Дул сильный ветер; сплошные тучи заволокли небо; пошел мелкий, косой холодный дождь; тьма – хоть глаза выколи.

Дорогой уже мы узнали, что идем в какой-то кишлак Гур-тюбе, где, по донесениям лазутчиков, стоит неприятельский отряд.

Около Киргиз-Кургана, верстах в 14 от Намангана, мы должны были переправиться через Дарью вброд. Была уже ночь.

На Дарье одно из орудий сошло с брода и затонуло. Пришлось вытаскивать на людях. Провозились несколько часов; а когда вытаскивали на другой берег, то было уже совсем светло.

Отряд двинулся дальше по ровной, открытой степи. До Гур-тюбе оставалось еще верст 10. Тогда разъяснилось. Выглянуло солнце.

На дороге мы увидели несколько арб, оглоблями в сторону Намангана.

Несомненно было, что хозяева этих арб, заметив нас, выпрягли лошадей и ушли обратно, конечно, дав знать кому следует о нашем приближении.

Наконец мы стали подходить к Гур-тюбе.

В ближайших окрестностях небольшого кишлака, на совершенно открытой местности, никакого неприятеля не было видно.

Скобелев, оставив пехоту и артиллерийский взвод идти шагом, выстроил наш дивизион, с сотнями на флангах, развернутым фронтом и повел нас вперед рысью.

Когда мы обходили кишлак с восточной стороны, перед нами открылась такая картина: под острым углом к нашему магистралу, направляясь к видневшимся вдали песчаным барханам, врассыпную бежали безоружные мужчины, женщины и дети. Дальше, между барханами, виднелось несколько арб, чем-то нагруженных и уходивших по дороге в Токайли и Маргелан.

Скобелев, ехавший в 20–30 шагах перед нашим дивизионом, командовал: «Шашки – вон! Марш-марш!» Сотенные командиры приняли команду, и казаки ринулись карьером; а Нил, которого Скобелев не мог не слышать, обернувшись к дивизиону, крикнул: «Не смей вынимать шашек! Рысью!»

Я так и обомлел. Помню: первое, что шевельнулось внутри меня, это – страх за Нила, которого я любил от всей души. Мы сейчас отстали от Скобелева и от сотенных казаков.

Но так как раньше сотни шли на флангах дивизиона, то на первое время между нами образовался довольно большой интервал, в котором бежал безоружный сарт с ребенком на руках.

Нил первый увидел, что на него несутся два казака, и крикнул мне: «Володька! Скачи! Убьют!»

С криком – «не смейте трогать; не смейте трогать» – я понесся к сарту; но было уже поздно: один из казаков махнул шашкой, и из рук оторопевшего, обезумевшего сарта выпал на землю несчастный 2–3 летний малютка с глубоко рассеченной головой. У сарта, кажется, была рассечена рука. Окровавленный ребенок судорожно вздрогнул и кончился. Сарт дико-блуждающими, расширенными глазами бессмысленно смотрел то на меня, то на ребенка.

В. Наливкин

(Продолжение следует)

«Русский Туркестан». 1906, № 120

Не дай Бог никому пережить такого ужаса, который я пережил в эту минуту. Я чувствовал, что какие-то мурашки ползут у меня по спине и по щекам, и что-то сжимает мне горло, от чего я не могу ни говорить, ни дышать. Я много раз видел убитых и раненых;

я видал раньше *смерть*, но такого ужаса, такой мерзости, такого позора воочию я еще не видал. Для меня это было ново.

Подошел дивизион, и мы пошли дальше. Везде трупы зарубленных или застреленных безоружных мужчин, женщин и детей. Пройдя с полверсты, мы увидели такую картину: под крутым отвесным берегом широкого сухого арыка лежит целый ворох женских и детских трупов; немного в стороне, лицом кверху и с раскинутыми руками, лежал труп, по-видимому, застреленный в грудь молодой красивой сартянки.

Какой ужас! Какой позор! Мы, русские воины, не найдя сколько-нибудь достойного противника, занимаемся зверским избиением женщин и детей!

Наш дивизион вернулся в Гур-тюбе несколько раньше Скобелева и стоял, не слезая с коней, ожидая указания, где стать биваком.

Через несколько времени подъехал Мих. Дмитриевич с конвоем. Как ни в чем не бывало, он начал в шутливом тоне сетовать на то, что сегодняшнее «дело» не выгорело, и утешать меня возможностью попасть в «настоящее». Я молчал. Нил, со сдвинутой на затылок шапкой, по обыкновению благодушно улыбался.

Скобелев уехал. Приехал Боголюбов¹ и указал нам место бивуака. Я не выдержал и, обратившись к нему, по-французски, чтобы не поняли нижние чины, сказал: «Какой позор! Зачем вы делаете это!»

Боголюбов ответил мне приблизительно так: «Чего же мне делать? Генерал горячится, зарывается, никого и ничего не слушает».

Кто-то из подвернувшихся офицеров, не помню, кто именно, пояснил дальше: «Теперь у нас это дело самое обыкновенное; “сражение” устроить не удалось; пышной реляции составить нельзя, ну и вымещаем, на ком не следует».

Я пошел бродить по бивуаку. Подхожу к артиллерийскому взводу: вижу, казак, рядовой, с крагой на ноге, нянчит грудного сартовского ребенка. Я знал этого казака лично, потому что раньше, до моей командировки в Петро-Александровск, некоторое время он служил у меня драбантом (денщиком)². К сожалению, я не помню его имени и фамилии.

¹ Штабс-капитан гвард. конной артиллерии, тогда только что окончивший курс академии генерального штаба и исправлявший должность начальника штаба при Скобелеве.

² Драбант (польск. Drabant – телохранитель) – телохранитель начальника войска, офицерский денщик в казачьем войске. – Примеч. сост.

«Где, спрашиваю, взял?» «В кишлаке, ваш-бродь, подобрал. Так что жалко очинно, ваш-бродь; робеночек махонький, квольй; еже бросить, беспрременно пропадетъ; опять же не знаю, куда, то-исть, мне его определить».

Так как я взялся говорить только одну правду, то должен сказать, что, к стыду моему, я не знаю, удалось ли сердобольному казачу «определить» куда-либо «кволого робеночка».

Продолжая бродить по бивуаку и по опустевшему кишлаку, я все думал и думал. И думалось мне, что раньше, как будто, лучше было; как будто, не было «этой» мерзости.

В Хивинском походе, например, был, правда, один неприятный случай, но он, насколько мне известно, разыгрался совсем иначе.

Дело было так. Отряд Головачева, идя из Хивы в Туркмению, припер туркменский табор, где вместе с вооруженными мужчинами были женщины и дети, к широкому, многоводному арыку Газават. Когда большая часть туркмен уже переправилась через арык, когда, кто вброд, кто вплавь, переправлялись лишь отставшие, мужчины и женщины, к берегу подскочил прапорщик 2-го турк. стрелк. б-на Н-ский и начал стрелять из револьвера. Но его сейчас же остановили. Возмущенный этой пакостью, Головачев рвал и метал. Не менее возмущенные товарищи Н-ского, офицеры 2-го батальона, объявили ему, что по возвращении в Ташкент, он, Н-ский, обязан немедленно уйти из части, и что, во всяком случае, с этого дня они не считают его своим товарищем. В течение остальной части похода никто с ним не разговаривал; никто не подавал ему руки.

По возвращении в Ташкент, Н-ский уехал в Россию, а я впоследствии узнал, что ему удалось перевестись в одно из восточных казачьих войск.

Так я думал тогда, в конце ноября 1875 года.

Теперь, по прочтении статьи К.М. Обручева, к этим думам присоединяются нижеследующие.

В упомянутом казачьем войске г. Н-ский, навсегда опозоривший себя как офицер гнусным деянием, марающим честь офицерского мундира, с позором изгнанный из славного когда-то 2-го батальона, не допускавшего прежде оставления в своей среде заведомых негодяев, батальона, к которому мы, старые туркестанские офицеры, издавна привыкли относиться с чувством искреннего и глубокого уважения, г. Н-ский, говорю я, в упомянутом казачьем войске дослужился до генеральского чина, а во время Японской войны даже командовал дивизией.

Можно ли после этого не сказать: как прав автор «Военного подбора»! Как темны, как подозрительны и вместе с тем как «неисповедимы» те пути, по которым по сие время некоторые русские офицеры доползают до генеральского чина.

1 декабря под вечер в дивизионе был получен приказ: одному взводу на следующий день рано утром прибыть к квартире начальника отряда.

Раненько утром 2 декабря я был уже со взводом около сада Урман-бека, в котором жил Скобелев.

Одна за другой подходили части, назначенные в отряд, который должен был идти на Нарын, где, по донесениям лазутчиков, стоял Афтобачи с большим отрядом пехоты и конницы.

Вышел Скобелев и поздоровался с частями. Тронулись: две или три роты пехоты; взвод конных стрелков, посаженных на сартовских лошадей, под командованием стрелкового же подпоручика К.; две оренбургские сотни, одна под командой есаула (ныне генерал-майора) А.С. Меленина, другая под командой семиреченского есаула (ныне отставного генерал-майора) Н.Ф. Дубровина; взвод казачьей батареи И.Н. Епанешникова и мой ракетный взвод.

Верстах в 12 от Намангана, около селения Джигда-капа, мы переправились через Нарын вброд.

Ровная, открытая местность, слегка поднимавшаяся в направлении от Нарына. Впереди, верстах в трех, перпендикулярно дороге, по которой мы шли, очень длинный *сырт*, невысокий и пологий, но закрывавший и маскировавший собой лежащую за ним местность. Правей дороги, на том же *сырте*, небольшая туземная крепостца.

Мой взвод шел в голове колонны. Рядом ехал Скобелев с Боголюбовым, с ординарцами и конвоем. Мы шли шагом. Вскоре же с крепостцы открыли беспорядочный ружейный огонь. То со свистом, то с каким-то жалобным жужжанием полетели над нами и около нас свинцовые мухи; изредка с особым, зловещим воем и шипением пролетала большая фальконетная¹ пуля.

Мне показалось, что Скобелев сразу же стал ажитироваться; мне показалось, что его голос и жесты сразу как-то изменились, сделались не в меру нервными.

В это время правей крепостцы, верстах в 4 от нас, была замечена густая толпа всадников с большим, развевавшимся знач-

¹ Фальконет (*ит. Falconetto*) – мелкокалиберная пушка, бывшая на вооружении в XVI – XVIII вв., стрелявшая свинцовыми снарядами.

ком, быстро уходившая по направлению к кишлаку Балыкчи. По всей вероятности, это был Афтобачи, улепетывавший от незваных гостей.

Скобелев велел мне *продвинуться* со взводом *вперед*.

Я скомандовал «рысью» и, *продвинувшись* на четверть или на полверсты, опять пошел шагом.

Не прошло после этого 2–3 минут, как ко мне подскакал бывший врач казачьей батареи, М.И. Ларионов, и говорит: «Генерал сердится на то, что вы опять пошли шагом, велит идти на рысах».

Через 2–3 минуты мы на полных рысах вылетели на *сырт*, по плохенькому туземному мостику пронеслись над широким и глубоким, с отвесными берегами арыком и увидели такую картину: за пологим *сыртом* опять скрытая равнина; по ней дорога в Андижан; эта дорога видна версты на две, если не больше, до следующего кишлака и его садов. По всей дороге почти непрерывная вереница арб с людьми и с вещами, ближе к нам, шагах в 600–700, густая толпа сарбазов в красных куртках, человек 200–300, прикрывали отступление обоза.

Я скомандовал: «Стой! Ставь станки!»¹ Мы быстро, «по огню» спустили 2–3 ракеты. Следующая разорвалась на станке, по счастью никого не ранив.

В момент разрыва ракеты к нам подскакал Скобелев. «Станки долой! – скомандовал он. – Ведите в атаку!»

Трубач Скобелева, повернувшись к отряду, играл «карьер», а Скобелев, выехав перед взводом и размахивая саблей, кричал: «Казак! захватывайте у неприятеля значки! Георгия за значки!»

Я скомандовал: «Станки долой! Пашки вон! Строй лаву рысью! Лава с гиком марш-марш!»

Казак! лихо понеслись в атаку под ружейным огнем красных сарбазов.

Через секунду или две около меня послышался звук какого-то шлепка; точно кто-то камышком сильно ударил в ком теста: казак, хватаясь за грудь, валился с коня. Скобелева около нас уже не было.

Еще секунда – и что-то грузное рухнуло на землю. Валился казак вместе с конем.

Еще секунда – и мои 18 казаков лихо врубились в красную толпу сарбазов.

¹ Станок – считают синонимом лафета: установка для ведения огня с боевых колес: до начала XX в. рассматривался отдельно от орудия. Однако лафет был только в полевой артиллерии, а станок – в корабельной и крепостной. – *Примеч. сост.*

Здесь я должен сделать маленькое отступление и вернуться назад.

Когда трубач Скобелева, повернувшись к отряду, протрубил сигнал, казачий артиллерийский взвод и сотни пошли карьером. Но когда первое орудие влетело на мост, он обрушился, а орудие очутилось в арыке. Проезда через широкий и глубокий арык с отвесными берегами в этом месте уже не было. Шедшие сзади орудия и сотни бросились вправо, вдоль по берегу арыка, ища удобного места, где можно было бы перебраться и идти на помощь моему взводу. Одними из первых подоспели к нам Меленин и Дубровин с доброконными казаками. Остальные быстро подоспели. Сарбазы были изрублены. Казаки ринулись дальше.

Я получил маленькую царапину на левой руке. Как ни была она ничтожна, я все-таки должен был привести себя в порядок; мне пришлось на несколько секунд придержать коня. Я отстал от своих.

В это время меня обогнал Скобелев. Он скакал уже не с саблей, а с револьвером в руке и крикнул мне: «Поздравляю! Молодцом!»

Я, снова пустив коня и догнав Скобелева, сказал: «Кажется, у меня убиты два казака»¹.

На это Скобелев ответил мне: «Отлично! Отлично!»

От этих откровенных «отлично» меня покорило. Что же, ду- мал я, отличного в том, что там, где-то в станице будут две вдовы и несколько сирот? Мне вспомнились (уже приведенные мною выше) рассказы о том, как печалился Скобелев каждый раз, когда отсутствие упоминания об убитых и раненых на половину уменьшало общее впечатление раздутых реляций.

Несколько минут я скакал рядом со Скобелевым, стремя в стремя, мимо арб; на некоторых были сарты, почти все безоружные. На одной оказался сарбаз с мултуком. Когда мы поравнялись с ним, он выстрелил, но промахнулся.

Скобелев выстрелил в него из револьвера и, тоже промахнувшись, закричал своему конвою: «Убейте его! Убейте его!»

Я не стал смотреть назад.

Мне стало противно и тоскливо как-то. Я опять осадил коня и поехал шагом.

Стали возвращаться казаки. Когда набралось человек 10, я повернул назад.

По мере приближения к месту нашей атаки трупов было все больше и больше. На месте же самой атаки поле пестрело красными куртками.

¹ Потом оказалось, что один был тяжело ранен в грудь, а другой лишь свалился с раненым конем.

На дороге стояла кучка офицеров. Среди них поручик К., командовавший конными стрелками.

Подъехал Скобелев. К., всегда любивший паясничать и кривляться, с особыми, ему одному свойственными ужимками начал докладывать Скобелеву о своих подвигах.

«Сегодня, Ваше Превосходительство, неисправно работали. Когда я с конными стрелками подошел сюда, многие сарбазы оказались не убитыми, а только ранеными. Некоторые же, по-видимому, притворялись ранеными; поднимали головы, озирались. Но мои стрелочки всех их прикололи, прикончили».

Отлично помню, что Скобелев ничего не сказал на это, не сделал никакого замечания. Но я отлично помню также, как нахмурилось несколько суровых, загорелых офицерских лиц; какой злобой, каким негодованием загорелись глаза; каким презрением прозвучал голос кого-то из присутствовавших, когда, по отъезду Скобелева, он сказал: «Какая же ты дрянь, Петька!»

А Петька кривлялся, паясничал и глупо ухмылялся.

Мне стало невмоготу тошно и противно, и я опять как и в Гуртубе, начал думать.

Думы были невеселые, мрачные, скверные какие-то.

Война, моя возлюбленная, которой я грезил, богиня, жрецом которой я хотел быть, стала казаться мне противной, по крайней мере в том виде, в каком мне показывал гур-тюбинский «ерой». Я понимал, что мне трудно, почти невозможно быть участником подобного рода оргий, что под начальством Скобелева мне нельзя служить в строю; что надо бежать, надо упасать свою душу.

Таковы были мои думы тогда, 2 декабря 1875 года.

Теперь, по прочтении статьи К.М. Обручева, к этим думам присоединяются нижеследующие соображения. Невзирая на всю возмутительность истории с «притворявшимися» сарбазами, которых «прикончили стрелочки», невзирая на то, что в батальоне, где служил К., было много честных, высоконравственных и разумных офицеров, подпоручика К. не постигла почему-то та участь, которая в Хивинском походе постигла прапорщика Н-ского. Это, во-первых. Во-вторых, впоследствии, когда К. уже был полковником и служил в России, когда ему надо было занять соответствующую должность для того, чтобы получить генерала, его услуги, при посредстве покровителей, были предложены одному из наиболее видных и старых генералов армии.

Этот генерал категорически заявил, что «подобным» офицером в его округе места нет. Тем не менее вскоре же К. был все-таки вытянут в генералы своим дальним родственником, который

тогда был «сильным» военного мира, а потом заставил Россию дорого заплатить за эту «силу» в Ляояне и Мукдене.

Зимой 1905 года генерал К. был назначен временным генерал-губернатором одного из южных городов России, где он требовал себе чуть не божеского поклонения. Его приказ об этом был воспроизведен одной из больших газет, ныне закрытой. Подумать только, в чьи руки был отдан этот злополучный город.

Можно ли после этого не сказать: как прав автор «Военного подбора»! Как темны, как подозрительны и вместе с тем как «неисповедимы» те пути, по которым по сие время некоторые русские офицеры доползают до генеральских чинов!

Я решил уйти из строя. 25 декабря весь отряд, за исключением, кажется, одной или двух рот и небольшой казачьей команды, оставленных в Намангане, ушел со Скобелевым за Нарын, в Икису-арасы, в теперешний Андижанский уезд. Я подал рапорт о болезни, остался в Намангане и начал вести переговоры о переходе на службу по военно-народному управлению.

В. Наливкин

(Продолжение следует)

«Русский Туркестан». 1906, № 121

26 января 1876 года в Наманган приезжал из отряда Скобелев. Он долго уговаривал меня не уходить из строя, но в конце концов подписал приказ: я был назначен помощником начальника наманганского участка.

В феврале того же года вся Фергана была присоединена к империи под названием Ферганской области, военным губернатором которой был назначен Скобелев. Наманганский участок был переименован в уезд.

Началась кипучая, а для меня лично новая и чрезвычайно интересная деятельность. Надо было вводить основы нашей гражданственности среди чуждого нам и чуждавшегося нас населения. Поэтому являлось необходимым, во-первых, знакомиться с этим населением, с его языком, бытом и нуждами, а во-вторых, по возможности защищать его интересы, интересы нового русского гражданина и плательщика.

Защищать его пришлось прежде всего от наших нижних чинов, которые, привыкнув за время войны к реквизициям и фуражировкам, не желали отказаться от них и в мирное время.

Несмотря на то, что гарнизон гор. Намангана был очень незначителен (одна рота 7-го линейного батальона, подвижной артиллерийский взвод и сводная команда, при уряднике¹, художников оренбургских и сибирских казаков), нам, уездному управлению, пришлось некоторое время вести упорную борьбу с местным военным начальством, которое, не всегда имея достаточный надзор за нижними чинами, часто, видимо, было склонно их выгораживать.

Кончилась же эта маленькая пуническая война² довольно печально.

Однажды утром в уездное управление явился окровавленный сарт, с глубоко рассеченной костью правой руки, и заявил, что когда он жал клевер, на принадлежащем ему поле, около казачьей казармы, явились казаки и стали забирать только что связанные снопы; он сделал попытку защитить свое добро, но один из казаков вынул пашку и рассек ему руку.

Отправились в казарму. Пашка одного из казаков, действительно, оказалась в крови. Возникло скверное дело. Казак пошел под суд.

Война, будучи по существу, безусловно, антикультурным [явлением. – *Ред.*], особенно пагубна и омерзительна тем, что везде и всегда она выворачивала и выворачивает наизнанку весь кодекс общечеловеческой этики, ибо она разрушает, она санкционирует то, что в обычное, «мирное» время считается непозволительным, безнравственным, позорным и преступным.

Некоторая доля распушенности, разнузданности всегда замечалась и замечается в частях, только что возвратившихся из военного похода.

Но в Туркестанском округе, по мнению старослужащих офицеров описываемого времени, разнузданность нижних чинов никогда не доходила до такой степени, в которой она проявилась в Фергане после Кокандского похода, и большинство приписывало это Скобелеву, бесспорно проявившему в этом походе самое творческое влияние на воинскую доблесть и на нравственность не только нижних чинов, но даже и некоторых офицеров его отряда.

А тем временем живая, интересная устроительная работа кипела и ширилась все больше и больше.

¹ Урядник – младший чин уездной полиции; унтер-офицер в казачьих войсках русской армии до 1917 г. – *Примеч. сост.*

² Пунические войны – три войны между Римом и Карфагеном в 3–2 вв. до н.э. Вероломство карфагенян (пунийцев) вошло в римскую поговорку; здесь используется в переносном смысле и означает вероломство. – *Примеч. ред.*

Эта работа, по крайней мере в Наманганском уезде, начальником которого был высокочестный, трудолюбивый, гуманный и рассудительный П.В. Аверьянов, была особенно приятной и производительной до тех пор, пока мы работали с ним почти самостоятельно.

Но вот в Коканде, бывшем тогда областным городом, «возникло» областное правление, из которого, как из рога изобилия, посыпались на нас предписания, циркуляры, дополнения и разъяснения.

Значительное число их свидетельствовало о том, что господа, заседающие в этом правлении, не имеют решительно никакого представления о туземце и его быте. Тем не менее со всей этой макулатурой волей-неволей приходилось считаться. Чем дальше, я все более и более убеждался в том, что, в сущности говоря, никто ничего толком не знает, а знать надо очень и очень многое для того, чтобы не делать глупостей, за которые народ должен будет платиться своей шкурой.

Хорошо было бы, думалось тогда мне, выйти на некоторое время в отставку, надеть халат, уйти в народ и близко, близко с ним познакомиться¹.

Область, как я сказал уже, только что начинала организовываться и устраиваться. Ни телеграфа, ни почтового тракта еще не было. Ездили верхом и на арбах. Пакеты и письма доставлялись конными джигитами. Российская и ташкентская почты, а равно и телеграммы, получались теми же джигитами в Ходженте, бывшем тогда конечным пунктом почтового тракта и телеграфной линии. Напуганное войной население, в особенности сельское, не успев еще вполне успокоиться и прийти в себя, пряталось по домам, завидя русских или русского.

При таких обстоятельствах в октябре 1876 года, через 8 месяцев после присоединения Ферганы, К.П. Кауфман предпринял объезд новой области. От Ходжента и далее он ехал частью в войсковых тарантасах, частью верхом. Точного маршрута не было и не могло быть. В Намангане мы ждали его в течение нескольких дней. Во время этих ожиданий я получил приказание немедленно ехать в Коканд по случаю назначения меня комиссаром организационной (ныне поземельно-податной) комиссии. В Коканде же я должен был явиться полковнику Носовичу, назначенному председателем этой комиссии.

¹ Чем дальше, эта мысль крепла во мне все сильнее и сильнее, и мне удалось наконец осуществить ее потом, весной 1878 года.

Дня через 2–3 я был уже в Коканде. Носович, старый полковник, давно покинувший строй ради гражданских дел (с ним я случайно познакомился, с небольшим год тому назад, в Петро-Александровске), выразив удовольствие видеть своим сотрудником знакомого человека и ни одним словом не обмолвившись о предстоящей работе, прежде всего поздравил меня: «Поздравляю вас, – сказал он. – Вы будете получать “очень красивое содержание”: свыше 4000 руб. в год».

Невзирая на обаяние такого поздравления и на легкомыслие, свойственное юности, я сразу же почувствовал, что местный полковник отнюдь не внушает мне ни доверия, ни уважения.

От него же я узнал, что кроме меня в комиссию назначены: А.И. Брянов и В.А. Реслейн, тоже помощники начальников уездов (ныне оба полковники). Четвертый был привезенный откуда-то Носовичем гражданский чиновник, фамилию которого не могу вспомнить.

Вскоре же приехал в Коканд Кауфман. Здесь он устроил заседание или, вернее, собеседование с губернатором, с чинами организационной комиссии и с некоторыми чинами местной администрации. Больше всех говорил К.П., вообще любивший и умевший поговорить. Несколько раз говорил и Скобелев; говорил, по обыкновению, складно, красиво и остроумно. Вместе с тем отлично помню, что я два-три раза в буквальном смысле слова был поражен острой впечатлительностью его ума и силой его, так сказать, «научного воображения»¹. С нескольких слов он понимал своего собеседника; он на лету схватывал чужую, до тех пор неизвестную ему мысль; по нескольким, относительно скудным данным его сильное «научное воображение» с изумительной быстротой создавало относительно грандиозную картину, близкую или к действительности, или к тому, что хотел сказать, но не успевал договорить собеседник.

¹Этот термин я разумею в том смысле, в котором он трактуется в известной статье покойного Тиндаля «Роль научного воображения». (Тиндаль Д. Роль воображения в развитии естественных наук. Вятка, 1873; То же // Секи А. Единство физических сил. Опыт естественно-научной философии. В Приложении Тиндаль Д. Спб., 1880. Д. Тиндаль пишет о познании: «Точно так же и всякий человек науки: когда он здоров телом и духом, когда возбуждение деятельной энергии уступает в нем свое место спокойному размышлению – душа его становится доступной кантовскому трепету. Этот священный трепет заставляет его забывать грубые детальные шероховатости земли и как бы сливает в одно целое с той всемогущей мировой Силой, которая дополняет и поддерживает его существование, но которую он не в состоянии ни анализировать, ни понять...» (С. 60). – *Примеч. сост.*)

В этом отношении и на меня, и на многих других Скобелев производил впечатление, безусловно, даровитого, выдающегося человека.

В. Наливкин

(Продолжение следует)

«Русский Туркестан». 1906, № 123

По отъезду Кауфмана наша комиссия приступила к предварительным работам, выразившимся главным образом в распределении комиссарских участков. Мне, ради близости к Намангану, в котором оставалась семья, пришлось начинать работу с злополучного кишлака Гур-тюбе, в котором год тому назад я воспринял не весьма приятные впечатления. Межевых чинов, которые должны были производить инструментальную съемку земли, еще не было; они только ожидались. Инструкция комиссарам была сфабрикована заранее. Согласно ей мы должны были разными способами собирать сведения об урожаях, базарных ценах, об ирригационных, почвенных и иных условиях, для определения норм податного населения. Кроме того, по очень обширной программе, должны были собираться разного рода статистические данные. Главнейшая суть дела была в схемке; но землемеров, как я уже сказал, не было.

Запасшись инструкциями и разными сведениями, я отправился в Наманган. Устроив там свое маленькое походное хозяйство, с джигитом и переводчиком (тогда я не мог еще свободно говорить по-сартовски¹) я выехал в Гур-тюбе, «к месту своего нового служения».

Приезжаю в Гур-тюбе вечером. Осень. Холодно становится. Старшина устраивает меня в грязной, сырой и совершенно темной сакле, с крохотным отверстием в крыше. На следующий день утром отправляюсь бродить по кишлаку с целью осмотреться немного и попутно собрать какие-либо «статистические данные». Решаю на первый раз произвести счет немногочисленным домам небольшого кишлака и записать имена домохозяев. Сарты бегут от меня и запирают калитки и ворота на запоры. Стучу – не открывают; зову – не откликаются.

Выхожу за кишлак, в поле. День серенький. «Унылые печальные места!»

¹ По-узбекски. – *Примеч. сост.*

Вот здесь Нила угораздило «фортель» выкинуть. Там «это» случилось... дальше «они» лежали... Боже мой, Боже мой, какая тоска! Какая гложущая, невыносимая тоска!

Нет, думаю, так нельзя. Это значит раскисать и нервничать. Этого совсем не требуется. Надо взять себя в руки и как-никак приниматься за работу.

Возвращаюсь в кишлак; приглашаю к себе старшину; пою его чаем, ублажаю, как могу, и исподволь приступаю к расспросам, опять-таки на предмет получения «сведений» и «данных», он начинает нести очевиднейший, ни с чем несообразный вздор.

Первый сеанс, безусловно, не удастся, второй тоже, от третьего я уже сам отказываюсь и лечу в Коканд.

В Коканде узнаю от Носовича, что землемеров нет, и они придут еще очень нескоро, а потому нам вышлют несколько человек топографических кондукторов, которые будут снимать инструментально лишь контуры дач, а внутренняя ситуация будет наноситься на планы по измерениям сартов... ...щей¹, измеряющих землю бечевкой, которая, как известно, на дождь ссаживается, а на солнце вытягивается.

Пробую говорить о совершенной бессмысленности такой постановки дела – не внемлет.

Мне обещают дать знать, когда кондукторы придут в участок, и я, в ожидании их, временно уезжаю в Наманган. Через несколько дней, получив надлежащее известие, еду в Гур-тюбе. Оказывается, что приехал *только один* кондуктор, что больше их нет и что за поздним временем года – был уже ноябрь – межевые работы вскоре же прекратятся, а потому вряд ли имеется смысл их начинать.

В совершенном отчаянии еду в Наманган, посоветоваться с П.В. Аверьяновым.

Приехав в Наманган под вечер, я узнал, что здесь Скобелев. Вскоре же он прислал за мной, было уже часов около 9 вечера. Мы беседовали втроем, Скобелев, Аверьянов и я. В общих чертах я сказал так: комиссия открыта преждевременно и совсем наспех. Население еще не успокоилось, и получить сколько-нибудь сносные сведения нельзя. Землемеров нет, и они будут еще нескоро. Основная работа, съемка, в удовлетворительном виде не может быть произведена. Очевидно, что все это делается так спешно и бессмысленно потому только, что Носовичу нуж-

¹ Текст в газете размыт и не поддается прочтению. – Примеч. сост.

но красивое содержание. Такие отношения к делу и к казенным деньгам я считаю преступным и думаю, что следует временно расформировать комиссию.

Скобелев со мной не согласен; он сказал, что теперь не может быть разговоров даже о временном расформировании комиссии, но что необходимо все-таки установить картину безусловных дефектов настоящего положения дела.

Он взял лист почтовой бумаги и под мою диктовку записал несколько пунктов, несколько основных положений.

Потом этот хорошо памятный мне разговор перешел на всякую всячину и около часа или двух ночи закончился очень оригинально. Скобелев, разойдясь и воодушевившись, начал рисовать грандиозные и крайне фантастические картины будущих войн, возможных по его мнению в Средней Азии. Я не вытерпел, рассмеялся и сказал: «Знаете, Михаил Дмитриевич, на кого вы теперь похожи? Не сердитесь, пожалуйста, но, право же, вы напоминаете очень юного корнета, который, сильно позвякивая шпорами с расsverленными репейками, поет или декламирует:

Кубок и сабля, сабля и кубок;

Пью за здоровье розовых губок».

На это Скобелев, обращаясь ко мне и Аверьянову, в таком же шутиливом тоне сказал: «Ну, душки, убирайтесь; идите спать, а то вы мне и еще каких-нибудь неприятностей наделаете».

Если П.В. Аверьянов жив, чего желаю ему от всей души, он, конечно, помнит многие подробности этого разговора, о котором впоследствии мы часто вспоминали с ним в Намангане.

На другой день Скобелев уехал в Коканд, приказав мне приехать туда же в назначенный день.

В Коканде я пришел к Скобелеву утром. Он только что встал.

Мы пили чай, когда в кабинет вошли два других комиссара, Брянов и Реслейн.

Скобелев, вынув из письменного стола знакомый мне лист бумаги, сказал, что, ознакомившись с положением и обстановкой дел комиссии, *он пришел к убеждению*, что существует много недопустимых ненормальностей, которые... и т.д... и т.д...

Сказав довольно пространную и по обыкновению красивую речь, М.Д. обратился ко мне с вопросом о том, *согласен ли я с его взглядом* на совершенную ненормальность постановки дела.

Я вытаращил на него глаза и сказал: «согласен».

Он отпустил нас, сказав, что сегодня же по этому поводу будет заседание. Мне было приказано потом опять прийти, чтобы поехать на заседание вместе и дорогой еще поговорить о том же деле.

Выйдя от Скобелева, я рассказал моим товарищам историю с листом почтовой бумаги. Они, конечно, посмеялись. От Скобелева я прошел к начальнику уезда, майору (нынче отставному генерал-майору) Г.С. Батыреву, который тоже должен был присутствовать на предстоящем заседании.

Когда, переговорив о деле, я упомянул о листке, Гавриил Сергеевич рассмеялся и сказал мне, что эти проделки Скобелева ему хорошо знакомы, так как Скобелев часто просит его *дать материал для письма Кауфману*.

Гавриил Сергеевич, человек, наблюдательный и хорошо владевший пером, а главное прослуживший перед тем несколько лет по военно-народному правлению, а потому знакомый уже с бытом и хозяйством туземного населения, без труда составлял для Скобелева большие и основательные записки. Эти записки передавались Скобелевым в обширные письма к Кауфману; а Кауфман носился с этими письмами, с восхищением перечитывал их и удивлялся *феноменальным способностям* Скобелева, который, сидя в губернаторской квартире, в течение нескольких месяцев успел так широко и всесторонне ознакомиться с ирригацией, с хозяйством и с нуждами области.

Заседание комиссии вышло очень бурное. Вопрос о временном расформировании комиссии был сорван. Я заявил, что не считаю возможным для себя оставаться на должности комиссара.

Со Скобелевым мы простились очень холодно. Это было наше последнее свидание. Месяца через 2–3, в начале 1877 года, Скобелев был экстренно вызван в Петербург, на его место был назначен А.К. Абрамов.

Вскоре же из Петербурга пришли вести о том, что до Александра II дошли слухи о скобелевских подвигах в Кокандском походе, о подробностях его женитьбы и последовавшего затем развода. Уверяли, что, когда Скобелев являлся государю в Зимнем дворце, Александр II, указывая пальцем на генеральские эполеты и ордена, полученные в Туркестане, сказал: «Все это ты должен еще заслужить».

С этим неслестным для него предложением М.Д. пошел в турецкий поход в 1878 году¹.

Ему нужно было во что бы то ни стало *заслужить*; вместе с тем он, по-видимому, хотел сделать это в возможно широком масштабе.

¹ Имеется в виду Русско-турецкая война 1877–1878 гг., в которой М.Д. Скобелев отличился в боях за Плевну и Адрианополь. – *Примеч. сост.*

Газеты несли одну за другой вести о подвигах Скобелева. То он с Гурко шажком разъезжает под гранатами; то умывается за бруствером под турецкими пулями. Перо г. Немировича-Данченко ясно расписывало подвиги «белого генерала»¹. Мы же, знавшие Скобелева по Туркестану, разводили руками, не будучи в состоянии понять, «что сей сон обозначает» и «в скольких смыслах оное понимать надлежит». Многие решили на том, что чего, дескать, на свете не бывает; переродился человек, и делу конец.

Прошло еще немало времени, и мы узнали о смерти Скобелева. Пошли проникшие даже и в печать слухи о какой-то «оргии, о каком-то афинском вечере, о том, что Скобелева погубили его обычные и прежде половые излишества.

Однако же среди многих туркестанцев, которые знали Скобелева более или менее близко, сложился и, как кажется, установился несколько иной взгляд, который всецело разделяю и я.

Скобелев, человек органически не приспособленный к сколько-нибудь свободному (без особых усилий) проявлению того, что разумеется под личной храбростью, *должен был заслужить и желал* сделать это в возможно широком масштабе.

Нервный и впечатлительный организм этого человека, подорванный ненормальностями половой жизни, органически неприспособленный к относительно спокойному реагированию на впечатления, бывшие по слабым нервам так, как, несомненно, были по ним прогулки с Гурко, умывания за бруствером, разные «зеленые горы» и прочее, привели к тому, что сердце этого безвременно погибшего человека представляло собой, по свидетельству врачей, отмеченному в свое время и в печати, дряблый, растянутый мешок. После этого нужно было очень немного для того, чтобы окончательно добить человека, который, очевидно, не знал и не соразмерял своих органических сил.

Я остаюсь при том убеждении, что Скобелева погубила турецкая кампания или, шире, грандиозность того подвига, который он взял на себя и который органически был для него, безусловно, непосильным.

Мне хорошо известна латинская поговорка: *de moritus aut bene, aut nihil*². Я охотно подчиняюсь устанавливаемому ею нравс-

¹ Имеется в виду биографический роман Василия Ивановича Немировича-Данченко «Скобелев» (1886 г.). «Белый генерал» – прозвище, данное Скобелеву за постоянную привычку выбирать лошадей белой масти и идти в бой в белом мундире. – *Примеч. сост.*

² *De moritus aut bene, aut nihil* (лат.) – О мертвых [надо говорить] или ничего, или хорошо. – *Примеч. сост.*

твенному правилу до тех пор, пока оно касается частных дел. Но я не могу распространить это правило на государственных и общественных деятелей, ибо их деятельность и все результаты этой деятельности принадлежат обществу и истории. Поэтому я счел себя вправе написать и напечатать свои воспоминания.

Я написал свои воспоминания не для того, чтобы очернить или развенчать Скобелева; первое было бы бесполезно, а потому и глупо; второе было бы для меня совершенно непосильно. Я написал и напечатал свои воспоминания для того, чтобы иллюстрировать ими те мысли, которые изложены в статье «Военный подбор», которые я вполне разделяю и которые ни в каком случае не могут и не должны игнорироваться теперь, когда Цусимы, Мукден и иные не менее печальные обстоятельства заставляют всю сознательную часть русского общества все настойчивее задумываться над вопросом о необходимости реорганизации армии.

Эти же соображения заставляют меня думать, что не сделает ошибки тот, кто откровенно и правдиво поведает обществу мысли и факты, обнаружение которых может так или иначе послужить делу устранения на будущее время Цусим, Мукденов, Ляоянов и иных не менее прискорбных явлений последнего времени.

В. Наливкин